

В.И. Баргенов*

ДИАЛОГ С «ГОСУДАРСТВАМИ-ИЗГОЯМИ» КАК КОМПОНЕНТ СТРАТЕГИИ «ОБНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА»: РИТОРИКА И ПРАКТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

Асимметричное противостояние между державой-лидером — Соединенными Штатами — и узкой группой «государств-изгоев», которые своим девиантным поведением на международной арене бросают открытый вызов американоцентричному мировому порядку, играет с момента распада «биполярности» роль стержневого конфликта в мировой политике. Победа Б. Обамы на выборах 2008 г. открыла новую главу в истории этого противостояния. Руководствуясь идеей «обновления американского лидерства», новый президент предпринял попытку осуществить разрыв с унилатералистским, силовым наследием своего предшественника и сделать ставку на вовлечение «изгоев» в диалог. Цель статьи — определить роль «перезагрузки» взаимоотношений с «изгоями» в стратегии «обновления американского лидерства» и оценить результаты поставленного администрацией Б. Обамы эксперимента по ведению диалога с «враждебными режимами».

Ключевые слова: США, Б. Обама, лидерство примера, «государства-изгой», девиантное поведение, стигматизация, «всеобъемлющее вовлечение», прямой диалог.

Since the dissolution of the bipolar world order, an asymmetric confrontation between a leading global power — the United States — and a narrow group of the rogue states who challenge the American primacy with their deviant international behavior has been playing a role of the pivotal conflict in the international politics. The B. Obama's ascension to power in 2009 opened a new chapter in the history of this confrontation. Driven by the idea of "renewing American leadership", Obama promised a rupture with the unilateral, preventive legacy of his predecessor and aspired to make an engagement with the rogue states one of the trademarks of his presidency. This article defines the role that B. Obama assigned to the "resetting" of the relationship with the rogues in the strategy of renewing American leadership and provides a nuanced assessment of his administration's experiment of talking to the adversary regimes.

Keywords: the United States, B. Obama, leadership by example, rogue states, deviant behavior, stigmatization, comprehensive engagement, direct dialogue.

* *Баргенов Владимир Игоревич* — к.и.н., доцент кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

Анализ политической истории США позволяет выявить одну любопытную закономерность. В наиболее трудные для страны моменты к власти, как правило, приходили яркие, неординарные личности, которым удавалось остановить процесс ослабления Америки и заложить фундамент ее лидерства на многие десятилетия вперед, — А. Линкольн, Ф. Рузвельт, Р. Рейган. Два года назад научное сообщество получило прекрасную возможность проверить, распространяется ли действие данной закономерности на наши дни. Ситуация накануне президентских выборов 2008 г. вполне однозначно говорила о том, что Соединенные Штаты подошли к очередному переломному моменту, когда на кон была поставлена судьба их глобального лидерства.

Положение дел как внутри США, так и за их пределами, действительно, оставляло желать лучшего. Апологетам идеи «краха американской империи», число которых за первое десятилетие XXI в. увеличилось многократно¹, не нужно было прилагать особых усилий для поиска аргументов в защиту своей позиции. Достаточно было лишь назвать понятные каждому вещи своими именами.

Соединенные Штаты вели две затяжные «асимметричные» войны в Ираке и Афганистане и в обеих были гораздо ближе к поражению, нежели к победе; продолжали расходовать колоссальные ресурсы на «нон-конвенциональную» «глобальную борьбу с экстремизмом и насилием» (так с 2005 г. стали называть «глобальную войну с терроризмом»), «театром боевых действий» в которой был весь земной шар и победы в которой нельзя было достичь по определению. Имидж США как защитника идей верховенства права, свободы, демократии и уважения прав человека был дискредитирован девиантными/делинквентными², антидемократическими и бесчеловечными методами, применявшимися Белым домом в этой войне, начиная с не санкционированной ООН превентивной операции по свержению режима С. Хусейна, которая, по меткому замечанию А.Д. Богатурова, показала, что сильные страны «вошли во вкус безнаказанности произвола» [4, с. 80], и заканчивая пытками заключенных в Гуантанамо и Абу-Грейбе. Легитимность американского «лидерства примера» была подорвана³. Регулярно демонст-

¹ Среди наиболее ярких работ последних лет, в основу которых была положена идея о неизбежном упадке Америки, см.: [83; 42; 45; 48].

² *Девиантное, или отклоняющееся, поведение* — поведение, нарушающее социальные нормы определенного общества. Выражается в поступках, поведении (действиях или бездействии) как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, обычаев, традиций [13]. *Делинквентное поведение* — вид девиантного поведения, характеризующийся совершением противоправных деяний.

³ Подробнее о проблеме снижения легитимности американского лидерства в 2000-е гг. см: [26, Ch. 10—12; 49].

рировавшие неуважение к международным правовым нормам и институтам, Соединенные Штаты стали подвергаться остракизму не меньше, чем «государства-изгои» (rogue states)⁴, на *стигматизацию*⁵ которых ими было потрачено столько сил и энергии. По мнению ряда зарубежных авторов, они сами превратились в «изгоя» [19; 24].

Формального статуса девианта ввиду отсутствия более влиятельных акторов на международной арене США, естественно, не приобрели. Однако противоправные действия державы-лидера снизили ее правоспособность «навешивать ярлыки» и усилили в международной системе аномию (безнормие), в которой социологическая наука со времен Э. Дюркгейма до 1950-х гг. видела коренную причину девиантного поведения [8; 10]. Лидеры таких стран, как Иран и Северная Корея, получили прекрасную возможность оправдывать свои действия тем, что «гарант правопорядка» систематически и сознательно нарушает международные нормы и при этом остается совершенно безнаказанным.

В итоге позиции «изгоев» из американского «черного списка» существенно окрепли. Угроза краха режима нераспространения ввиду обретения Северной Кореей ядерного статуса и приближения Ирана к ядерному порогу достигла беспрецедентных масштабов. Гораздо ощутимее стал и вызов американоцентричному мировому порядку со стороны «восходящих держав». Их экономическое и политическое влияние в мире возросло, в том числе за счет активного «заигрывания» с «изгоями» [58].

⁴ Автор отдает себе отчет в том, что словосочетание «государства-изгои» является в высшей степени неудачным переводом английского термина «rogue states» (буквально — «государства-негодяи»), и использовавшийся в некоторых работах отечественных ученых [4; 14] перевод «неблагонадежные государства» более точно отражает этимологию данного словосочетания. Основанием для использования «ошибочного» варианта перевода является тот факт, что именно он встречался в выступлениях российских официальных лиц, пусть и в контексте выражения несогласия с американской терминологией [7; 12], и в конце концов утвердился в отечественной научной литературе в качестве основного [5; 6; 11; 15].

⁵ В данной статье термин «стигматизация» используется в том значении, которое вкладывал в него Г. Беккер — один из основоположников теории «навешивания ярлыков» (labeling theory), предложивший в начале 1960-х гг. радикально новое объяснение девиантного поведения. С точки зрения Г. Беккера, девиация в действительности обусловлена не объективным характером поведения субъекта (внутренним содержанием совершаемых им поступков), а его оценкой окружающими. Статус девианта субъект приобретает только после «навешивания» на него соответствующего «ярлыка» наиболее влиятельными группами общества в процессе *стигматизации*. Это, в свою очередь, создает условия для так называемой *вторичной девиации* — девиантного поведения, которое вырабатывается у индивида в ответ на санкции со стороны законодательных органов и законопослушных граждан. Ярлык способствует закреплению за индивидом статуса аутсайдера. Всеобщее порицание и изоляция, в свою очередь, сближают стигматизированных индивидов и способствуют формированию девиантной субкультуры, принадлежность к которой становится новой формой идентичности для девианта [17].

В довершение всего США оказались под ударом крупнейшего за семьдесят лет финансового кризиса. Начало рецессии, которую алармисты тут же поспешили окрестить «Великой» и продолжительность которой в тот момент предсказать было крайне сложно, было сопряжено с серьезными рисками, в том числе внешнеполитическими, и грозило подорвать основы американского лидерства — материальные (экономическую мощь США) и идеологические («Поствашингтонский консенсус»). Это, в свою очередь, неизбежно должно было привести к снижению возможностей Вашингтона по эффективному противодействию усилению неблагоприятных для Соединенных Штатов тенденций. Именно такую далеко не радужную перспективу обозначили, в частности, специалисты Национального разведывательного совета в докладе «Глобальные тенденции 2025. Изменившийся мир» [59]⁶, опубликованном в ноябре 2008 г.

Другими словами, озвученное британским историком П. Кеннеди в конце 1980-х гг. предсказание о том, что США уготована участь всех великих держав прошлого — утрата лидирующих позиций вследствие «имперского перенапряжения» [40], казалось, начинало сбываться. В этой ситуации не оставалось никаких сомнений в том, что для сохранения надежды на продолжение «американского века» Соединенным Штатам снова был жизненно необходим лидер трансформационного типа⁷.

Американский электорат отдал предпочтение кандидату от Демократической партии с доселе немислимым для института президентской власти в США расовым происхождением и именем — Барак Хусейн Обама⁸. Объявление результатов выборов вызвало в мире подлинную эйфорию — победу одержал человек, который не только сделал слово «перемены» главной «мантрой» своей предвыборной кампании, но и олицетворял собой эти перемены. Внешний облик Б. Обамы, его происхождение, молодость, амбициозность, исключительные ораторские способности, харизма — все это, теоретически, позволяло надеяться на наступление эпохи подлинно «трансформационного» президентства. Эти надежды лаконичнее всего выразил известный автор биографий американских президентов Д. Бринкли в коротком «пророчестве»: «Эра Рейгана длилась с 1980 по 2008 г. Теперь мы вступили в эру Обамы» [цит. по: 75].

⁶ Научный анализ доклада см.: [23].

⁷ О понятии «трансформационное лидерство» в применении к американской «большой стратегии» см.: [65].

⁸ Б. Обама неоднократно подчеркивал это «несоответствие» в имиджевых целях. Так, в знаменитой каирской речи он не преминул напомнить аудитории, как «много внимания придавалась тому факту, что президентом смог стать афроамериканец с таким именем как Барак Хусейн Обама» [73].

Новый президент и сам неоднократно изъявлял желание положить начало очередной «трансформации» и встать в один ряд с такими фигурами, как Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди и Р. Рейган [75]. В каждом своем выступлении он стремился убедить электорат в том, что Америка созрела для глубинных перемен, которые должны затронуть все сферы общественной жизни, в том числе и внешнюю политику США.

Как и сторонники идеи упадка американской гегемонии, Б. Обама признавал, что развитие событий в мире в 2000-е гг. уменьшило шансы Соединенных Штатов на сохранение лидирующих позиций в XXI столетии. Однако объяснял он это не объективной исторической закономерностью, управляющей циклами «восхождения и упадка великих держав», а чисто субъективным фактором — политической близорукостью неоконсерваторов, «извративших» представления о средствах обеспечения американских интересов. В необратимость процесса ослабления Соединенных Штатов Б. Обама не верил. Напротив, он был убежден в возможности «обновления американского лидерства» и в этом смысле шел в русле «возрожденческой» традиции в американской внешнеполитической мысли, представители которой (З. Бжезинский, Б. Скаукрофт, Дж. Айкенберри, А.-М. Слотер, Р. Хаас и др.) также опубликовали в 2000-е гг. ряд крупных работ [21; 39; 35; 37].

Одной из тех сфер, где императив «обновления лидерства» требовал наиболее радикальной трансформации, была политика США в отношении «государств-изгоев», которая стала символом унилатералистского подхода неоконсерваторов и нанесла наиболее чувствительный удар по имиджу США. Мировое сообщество готовилось пристально наблюдать за развитием отношений Вашингтона с «проблемными» странами и на основе этих наблюдений оценивать реальную степень готовности Белого дома к переменам. Без делегитимизации наследия неоконсерваторов в данной сфере обеспечить наступление «новой зари американского лидерства» было бы невозможно. Подлинно «трансформационная» политика в отношении «изгоев» должна была быть четкой, непротиворечивой и основанной на дипломатии и принципе мультилатерализма. Вашингтон должен был либо отказаться от политики стигматизации как таковой, либо повысить эффективность так называемого внешнего социального контроля в отношении «изгоев», нацеленного на их принуждение к отказу от делинквентного поведения⁹.

⁹ Под социальным контролем в социологии понимается механизм, с помощью которого общество и его подразделения (группы, организации) обеспечивают системы ограничений — правовых и моральных норм и обычаев, нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы. Социальный контроль традиционно разделяют на внешний и внутренний. В основе

В этой ситуации очень многое зависело от позиции третьих стран — как партнеров и союзников Америки, так и «восходящих держав» (в первую очередь Китая и России), которых администрации Б. Обамы необходимо было заново вовлекать в процесс устранения угрозы со стороны наиболее «проблемных» стран — Ирана и Северной Кореи. Однако на этом пути Вашингтону предстояло столкнуться с большими трудностями. При отсутствии экономических и военно-политических контактов США с «изгоями» сотрудничество с неприемлемыми (для Вашингтона) режимами на протяжении десятилетий оставалось для континентальных стран Евросоюза, Китая и России прекрасной возможностью извлекать экономические и геостратегические дивиденды, не боясь прямой конкуренции с наиболее мощной мировой державой [58]. Добровольно и безвозмездно отказываться от такой возможности ни один из данных акторов не собирался, а это означало, что перед Белым домом вставала необходимость вступать в торг с Парижем, Пекином и Москвой и платить за их присоединение к борьбе с «изгоями» уступками в других внешнеполитических вопросах.

Существовали и серьезные внутривнутриполитические риски. Проявление чрезмерной мягкости в отношении «врагов», равно как и готовности идти на уступки «восходящим державам» ради усиления давления на режимы в Тегеране, Дамаске или Пхеньяне, дало бы республиканцам прекрасный повод обрушиться на Б. Обаму с обвинениями в проведении политики «умиротворения» и предательстве американских ценностей. Это, в свою очередь, грозило усилением позиций республиканцев на промежуточных выборах в Конгресс, а также серьезным осложнением положения новой администрации в 2011—2012 гг. и лично Б. Обамы на выборах 2012 г.

Шансы на то, что Б. Обаме удастся произвести «контрреволюцию» в стратегии США в отношении «изгоев»¹⁰ — искоренить наследие Дж. Буша-мл. и добиться успеха — изначально представлялись экспертам довольно призрачными. «Перезагрузка» этой стратегии могла в равной степени оказаться как символом «обнов-

внутреннего социального контроля (самоконтроля) лежат ценности, нормы, ролевые ожидания, обычаи, интернализированные индивидом в процессе социализации. Внешний социальный контроль, в свою очередь, осуществляется с помощью социальных санкций — мер воздействия социальной группы на поведение индивида, отклоняющееся в позитивном или негативном смысле от социальных ожиданий, норм и ценностей. Выделяют четыре типа санкций: позитивные и негативные, формальные и неформальные, которые дают четыре типа сочетаний — формальные позитивные (Ф+), неформальные позитивные (Н+), формальные негативные (Ф-), неформальные негативные (Н-).

¹⁰ Употребление термина «контрреволюция» представляет собой отсылку к вступительной главе А. Леннона и К. Эйсс «Революция Дж. Буша в стратегии США в отношении “государств-изгоев”» к книге «Перестраивая “государства-изгой”»: предупреждающие удары, “смена режимов” и политика США в отношении Ирака, Ирана и Северной Кореи» [50].

ления американского лидерства», так и свидетельством необратимости процесса ослабления США как глобальной державы. Анализ того, какой именно из этих вариантов воплотился в жизнь, имеет большое значение для понимания магистральной тенденции развития международных отношений в пост-однополярную эпоху.

Цели статьи — определить роль, которую Б. Обама отводил «перезагрузке» взаимоотношений с «изгоями» в стратегии «обновления американского лидерства» в теории и на практике, и оценить результаты поставленного его администрацией эксперимента по ведению диалога с «враждебными режимами». Специфика поставленной цели оправдывает разделение статьи на две крупные части. В первой внимание будет сосредоточено на исследовании концептуальной составляющей подхода Б. Обамы к интересующей нас проблеме. Основными задачами являются анализ развития темы «изгоев» в рамках избирательной кампании Б. Обамы и оценка масштаба и характера изменений, которые претерпела его риторика после прихода его к власти, с момента инаугурации до промежуточных выборов в Конгресс. Решить данные задачи предполагается на основе изучения содержания и дискурсивных особенностей важнейших выступлений и статей Б. Обамы, а также текстов доктринальных документов, опубликованных его администрацией, таких как «Обзор состояния и перспектив развития ядерных сил» и «Стратегия национальной безопасности США». Задачей второго порядка является определение соотношения преемственности и новаторства в концептуальном подходе Б. Обамы к проблеме «изгоев» и в первую очередь — оценка степени радикальности разрыва с наследием Дж. Буша-мл.

Вторая часть статьи будет посвящена анализу реализации концепции «вовлечения» «изгоев» на практике на примере Ирана, Сирии и Кубы и с учетом специфики того «наследства», которое оставил Б. Обаме его предшественник на каждом из указанных направлений. Итогом исследования станет оценка результатов эксперимента Б. Обамы и их объяснение.

I

Наиболее полное представление о том, как именно кандидат в президенты Б. Обама мыслил себе взаимосвязь проблематики «государств-изгоев» с идеей «обновления американского лидерства», давала его одноименная статья, опубликованная летом 2007 г. в журнале «Foreign Affairs» [68]. Б. Обама сформулировал свое внешнеполитическое кредо следующим образом: «После войны в Ираке у нас может возникнуть соблазн отгородиться от внешнего мира. Это было бы ошибкой. *Американский момент еще не подошел к концу, но его необходимо “поймать” заново.* Мы должны закончить

войну и после этого *обновить наше лидерство* — военное, дипломатическое и моральное, для того чтобы эффективнее бороться с новыми угрозами и извлекать преимущества из новых возможностей. *Америка не сможет совладать с вызовами XXI века в одиночку, но и мировое сообщество не сможет совладать с ними без Америки*» [68, р. 2] (курсив наш. — В.Б.). Последняя фраза, являвшаяся прямою противоположностью образу мыслей администрации Дж. Буша-мл., а также метафорическое выражение «американский момент», столь резко контрастировавшее с введенным в политический дискурс колумнистом газеты «The Washington Post» Ч. Краутхаммером в 1991 г. термином «однополярный момент» [44], говорили о том, что в лице Б. Обамы США могли получить первого президента пост-однополярной эпохи.

В числе главных угроз лидерству Соединенных Штатов Б. Обама называл: распространение оружия массового уничтожения и международный терроризм, «государства-изгои» (rogue states), вступившие в союз с террористами, и «восходящие державы», которые могут бросить вызов Америке и либеральной демократии.

Сам по себе этот список ни с точки зрения риторики, ни с точки зрения содержания никак нельзя было назвать революционным. Б. Обама использовал все тот же уничижительный термин «rogue states», который в конце правления предыдущей демократической администрации был заменен на более нейтральный «states of concern» («государства, вызывающие озабоченность»), но реанимирован Дж. Бушем-мл. после терактов 11 сентября 2001 г. и дополнен еще более одиозным конструктом «ось зла»¹¹. Более того, «список Обамы» почти дословно повторял повестку дня администрации Дж. Буша-мл., считавшей факт существования «изгоев» главной угрозой международной безопасности, а ее нейтрализации — стратегическим приоритетом № 1.

Сохранение Б. Обамой прежней терминологии выглядело довольно странно, если учесть, что термин «государство-изгой» был вымышленным, умозрительным конструктом, лежавшим вне международно-правовой плоскости и к тому же в высшей степени противоречивым. «Черный список» соответствовал официальным критериям «изгойства» лишь отчасти. Продиктованное политическими соображениями включение в него Кубы, отсутствия в списке Сирии и Пакистана и некоторые другие несоответствия не позволяли считать «изгоев» гомогенным классом международного сообщества и создавали впечатление, что членов «клуба» объединяет лишь авторитарность режимов, антиамериканизм и нежелание включаться в процесс глобализации на условиях Вашингтона.

¹¹ Подробнее о причинах, стоявших за каждым изменением терминологии, см.: [1].

Впоследствии это ощущение усилило добавление администрацией Дж. Буша-мл. к перечню критериев «государств-изгоев» такого компонента, как «ненависть к США», который был зафиксирован в тексте «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г. [60, p.14].

Избирательный характер политики стигматизации с самого начала вызывал критику со стороны других членов мирового сообщества. Речь при этом шла не только о государствах, которым идея «демократического мира» была чужда и которые сами никогда не переставали воспринимать США как «Другого» — Китае и России, но и о европейских союзниках Вашингтона. Отсутствие солидарности по вопросу о том, кто и почему является «изгоем», в свою очередь, становилось существенным препятствием на пути организации внешнего социального контроля и применения международных формальных негативных санкций, как экономических, так и «физических» — использования военной силы против «изгоев» под эгидой СБ ООН.

Другими словами, сохранение термина «государство-изгой» плохо соотносилось с идеей «обновления американского лидерства», развитию которой была посвящена статья. Новаторство в подходе Б. Обамы присутствовало, но проявлялось оно в ином измерении, а именно — в выборе методов борьбы с источниками угрозы.

Б. Обама еще в 2002 г. зарекомендовал себя как убежденного противника войны в Ираке [67]. Свержение режима С. Хусейна он считал «войной по выбору» (war of choice), противопоставляя ее «необходимой» войне в Афганистане (war of necessity). Полагая, что операция «Свобода Ираку» никогда не должна была быть санкционирована и осуществлена, Б. Обама был уверен, что односторонние действия, предпринимаемые Америкой в обход норм международного права для устранения угрозы со стороны «государств-изгоев» путем «смены режимов», должны навсегда остаться в прошлом. Говоря о политике США в отношении «государств-изгоев» в упомянутой ранее статье 2007 г., он подчеркивал: «Я не буду исключать возможность применения силы, но нашим главным орудием должна стать *последовательная, прямая и энергичная дипломатия — такая, которую администрация Дж. Буша-младшего не могла и не хотела использовать*» [68, p. 9] (курсив наш. — В.Б.).

Данный тезис наполнялся конкретным содержанием в разделе статьи, посвященном политике США на Ближнем Востоке. Б. Обама выражал убежденность в том, что жесткая дипломатия, подкрепленная полным арсеналом имеющихся в распоряжении Белого дома инструментов (политических, экономических и военных), может обеспечить успех во взаимоотношениях даже с такими давними противниками, как Иран и Сирия.

Подчеркивая, что политика администрации Дж. Буша-мл. по принуждению Ирана к отказу от ядерной программы, поддержки терроризма и агрессивного поведения в регионе с помощью постоянных угроз применения силы и диалога через посредников терпит неудачу, он призывал *к прямому диалогу* с Тегераном. Для устранения угрозы жизненно важным интересам США и их союзников со стороны ИРИ требовалась дипломатия нового типа, нацеленная на «повышение рисков, связанных с продолжением ядерной программы, посредством ужесточения санкций и усиления давления со стороны ключевых торговых партнеров Ирана». Б. Обама признавал чрезмерную опасность попадания ядерного оружия в распоряжение страны, где правит режим «радикальной теократии». В то же время он призывал продемонстрировать Ирану и особенно иранскому народу преимущества, которые можно было бы извлечь из фундаментальной перестройки внешнеполитического курса, — экономическое сотрудничество, гарантии безопасности, восстановление дипломатических отношений.

Дипломатия в сочетании с усилением давления, по мнению Б. Обамы, могла также способствовать смягчению внешней политики Сирии. Это, в свою очередь, помогло бы «стабилизировать Ирак, освободить Ливан от “железной хватки” Дамаска и укрепить безопасность Израиля» [68, р. 6].

Стоит отметить, что ближневосточным «проблемным» странам во внешнеполитическом манифесте Б. Обамы было уделено несравнимо большее внимание, нежели другим «изгоям» (Северная Корея упоминалась в статье лишь однажды, а Судан, Куба и Бирма — вообще ни разу). Подобная диспропорция объяснялась целым комплексом причин. Во-первых, именно Ближний Восток традиционно считался регионом, преобладание США в котором служило залогом их глобального лидерства. Во-вторых, именно на Ближнем Востоке в конце правления администрации Дж. Буша-мл. позиции Соединенных Штатов были наиболее уязвимыми. В-третьих, в этом регионе угроза получения ядерного оружия враждебно настроенными по отношению к США странами еще не стала, в отличие от Северо-Восточной Азии, свершившимся фактом, и дипломатические усилия здесь требовались в наибольшей степени. Наконец, в-четвертых, Б. Обама, учитывая огромную роль израильского лобби в США и возможность оказания им влияния на исход выборов, заявлял в качестве приоритетных те проблемы, которые имели наибольшее значение для безопасности Израиля¹².

¹² Влияние последнего фактора еще более ярко высвечивали тексты выступлений Б. Обамы перед Американско-израильским комитетом общественных связей (АИРАС), в которых «иранской проблеме» уделялось даже больше внимания, чем проблеме возобновления переговоров по урегулированию ближневосточного конфликта [70; 71].

Впрочем, впоследствии Б. Обама все же расширил круг «проблемных» стран, вовлечение (engagement)¹³ которых он планировал сделать одной из визитных карточек своей предвыборной кампании. 23 мая 2008 г. в очередной программной речи с крайне символическим названием «Обновление американского лидерства в обеих Америках» Б. Обама решил протянуть «оливковую ветвь» Кубе [69]. Он пообещал снять ограничения на поездки родственников кубинских граждан на Кубу и отправку денежных переводов американо-кубинцами на «остров свободы», сохранив при этом эмбарго как рычаг давления, который может способствовать переменам на Кубе. В то же время Б. Обама подчеркнул, что, если кубинское правительство предпримет серьезные шаги в направлении демократии, начиная с освобождения всех политических заключенных, США примут ответные меры по нормализации взаимоотношений и ослаблению эмбарго и приступят к ведению прямого диалога с Кубой, без предварительных условий.

Можно ли назвать идеи, озвученные Б. Обамой, подлинно революционными, если сравнивать их с идейными установками команды Дж. Буша-мл.? Концептуальный подход неоконсерваторов к проблеме «государств-изгоев» был в высшей степени агрессивным. Неоконсерваторы не только сформулировали доктрину нанесения превентивных ударов, но и настойчиво проводили мысль о том, что наиболее верным способом решения проблемы «государств-изгоев» является устранение коренной причины их агрессивного поведения на международной арене — авторитарных режимов. Этой цели предполагалось добиться с помощью вполне традиционных для американской внешней политики средств — ослабления правящих режимов изнутри путем оказания поддержки оппозиционным группам («подрывной деятельности») и в случае крайней необходимости — их насильственного свержения извне. Что касается вовлечения «изгоев» в диалог и использования «позитивных санкций»¹⁴, то теоретическую позицию республиканцев в данном вопросе лучше всего характеризует фраза Р. Чейни: «Мы не вступаем в переговоры со Злом, мы его побеждаем» [41].

Однако в действительности политика Вашингтона в отношении «изгоев» в 2001—2008 гг. никогда не сводилась к имплементации «доктрины Буша» по осуществлению превентивных операций, нацеленных на «смену режимов», как пытался это представить Б. Обама. Данный метод был применен Вашингтоном лишь однажды — в Ираке («иракская модель»), в то время как в отношении остальных

¹³ Подробный теоретический анализ концепта «вовлечение» (engagement) и его отличий от понятия «умиротворение» (appeasement) см.: [77].

¹⁴ Подробнее о «позитивных санкциях» и моделях их применения в международных отношениях см.: [36; 62; 63].

«изгоев» администрация Дж. Буша-мл. использовала весь спектр дипломатии принуждения, начиная с рестриктивных мер (как односторонних, так и международных) и заканчивая угрозами применения силы. Важно отметить, что, хотя Пентагоном и были подготовлены планы нанесения превентивных ударов по двум другим членам изначальной триады стран «оси зла», в реальность эти угрозы воплощены не были.

Что особенно важно, неоконсерваторы использовали и метод прямых переговоров, несмотря на все громогласные заявления об обратном. Администрация Дж. Буша-мл. планомерно, на протяжении более двух лет вела *прямой диалог* с режимом М. Каддафи. Хотя республиканцы не были инициаторами данных переговоров¹⁵, тщательно скрывали от общественности факт их проведения и объясняли «ливийский прецедент» добровольного отказа от девиантного поведения «страхом перед повторением судьбы режима С. Хусейна»¹⁶, факт заключения «большой сделки» с Триполи к началу предвыборной кампании 2008 г. уже никем не ставился под сомнение. Опровержение «официальной» версии означало, что наиболее значительный успех Дж. Буша-мл. в борьбе с угрозами международного терроризма и ядерного нераспространения — так называемая ливийская модель отказа «государства-изгоя» от девиантного поведения и его реинтеграции в международное сообщество, которую Белый дом планировал распространить на другие «враждебные режимы», — был достигнут именно с помощью методов прямой дипломатии.

Что касается подхода Б. Обамы к проблеме «изгоев», озвученного в рамках предвыборной кампании, то он отличался в концептуальном отношении от подхода неоконсерваторов, по меньшей мере, по двум ключевым параметрам. Во-первых, в нем начисто отсутствовала идея «смены режимов». Во-вторых, вовлечение имело больший удельный вес, чем дипломатия принуждения: прямой диалог с «проблемными» странами планировалось сделать магистральным элементом *официальной* (не «закулисной») внешнеполитической стратегии США. Поскольку залогом успеха избирательной кампании Б. Обамы было максимальное дистанцирование от Дж. Буша-мл., в своем стремлении подчеркнуть это новаторство он готов был заходить очень далеко.

Пожалуй, ярче всего последний тезис иллюстрирует эпизод, который произошел летом 2007 г. в рамках очередного раунда дебатов с участием кандидатов от Демократической партии (и в их числе Х. Клинтон) на канале CNN. Среди многочисленных вопро-

¹⁵ Переговоры с режимом М. Каддафи начались при администрации У. Клинтона в 1999 г.

¹⁶ О проблемах интерпретации «ливийского прецедента» см.: [2, с. 320—331].

сов, заданных участникам, был и в высшей степени провокационный, касавшийся взаимоотношений с «проблемными» странами. Звучал он следующим образом: «Будете ли Вы готовы встретиться *отдельно, без предварительных условий* [курсив наш. — В.Б.], в первый год Вашего правления в Вашингтоне или где-либо еще с лидерами Ирана, Сирии, Венесуэлы, Кубы и Северной Кореи для преодоления разногласий?» [27].

Б. Обама, не задумываясь, дал на него положительный ответ, приведя в пример Р. Рейгана, называвшего СССР «империей зла», но не считавшего зазорным поиск сфер взаимодействия, в которых можно было бы достигнуть прогресса путем переговоров. Все остальные участники дебатов, однако, заняли прямо противоположную позицию. Особенно показательным был ответ Х. Клинтон. Признав безусловную необходимость дипломатии и организации миссий специальных посланников в «государства-изгои», она подчеркнула, что нельзя обещать проведение встречи на столь высоком уровне, не узнав досконально намерений другой стороны, и что такое обещание ни в коем случае нельзя давать в «пропагандистских» целях» [27]. Тем самым она, с одной стороны, пыталась выставить Б. Обаму «профаном» в области внешней политики, плохо представляющим себе тонкости дипломатической игры, а с другой — прямо намекнула на то, что готовность ее соперника встречаться с лидерами враждебно настроенных государств является не более чем ярким популистским лозунгом. Ответ Б. Обамы вызвал недоумение и у других влиятельных членов Демократической партии, в частности у председателя Комитета по международным делам Сената Дж. Байдена [18]. Что касается кандидатов-республиканцев, в первую очередь сенатора Дж. Маккейна, который в 2000 г. сформулировал идею «отбрасывания государств-изгоев» (rogue states rollback), предусматривавшую «вооружение и подготовку внешних и внутренних сил, которые в конечном счете свергнут режимы [в странах-изгоях] и установят свободные демократические правительства» [57], то они обрушили на Б. Обаму настоящий шквал критики. Его обвинили в предательстве американских идеалов и впоследствии при каждом удобном случае приводили его ответ в качестве примера «профнепригодности» сенатора от штата Иллинойс для роли президента.

Однако чем ближе подходил срок проведения выборов, тем более беспочвенными выглядели данные обвинения. Дж. Маккейн за это время успел поставить и свою «профпригодность» под сомнение на одной из встреч с избирателями, напев переложенную на мотив известной песни «Barbara Ann» группы «Beach Boys» фразу «Bomb Bomb Iran» [55], что вызвало массу негативных откликов и дало Б. Обаме повод высмеять своего оппонента на президентских дебатах [80].

Кроме того, огромную роль в сохранении доверия к внешнеполитической программе самого Б. Обамы и, в частности, его позиции в отношении «проблемных» стран сыграло одно неординарное для истории президентских выборов в США обстоятельство. Поддержать кандидатуру Б. Обамы в борьбе с Дж. Маккейном решили многие влиятельные представители Республиканской партии, в прошлом ответственные за проведение внешней политики, и в их числе — госсекретарь США в 2001—2004 г. К. Пауэлл. Тем самым они дали понять, что внешнеполитические взгляды Б. Обамы основаны на реалистичной, лишенной партийной «окраски» оценке стоящих перед Америкой вызовов и способов борьбы с ними [75].

В итоге «необдуманый» ответ Б. Обамы на вопрос об «изгоях» не поколебал уверенности большинства американцев в его способности возглавить страну в критический момент и обеспечить ее защиту от внешних угроз. Однако впоследствии американские и зарубежные издания неоднократно вспоминали июльские демократические дебаты на канале CNN, обращая внимание на тот факт, что ключевые посты вице-президента и госсекретаря заняли фигуры, взгляды которых на проблему отличались от видения нового президента, — Дж. Байден и Х. Клинтон.

В этой связи возникал целый ряд вопросов. Будет ли политика Обамы-президента в отношении «изгоев» соответствовать многообещающим заверениям Обамы-кандидата или же более искушенным в международных делах членам его команды удастся убедить президента заретушировать «пропагандистскую» идею прямого диалога без предварительных условий? Сможет ли новая администрация при наличии очевидных расхождений во взглядах между ключевыми фигурами посылать в столицы «проблемных» стран непротиворечивые сигналы? Или же ей суждено будет повторить судьбу команды Дж. Буша-мл., провал политики которой на наиболее важных североазиатском и иранском направлениях был обусловлен в значительной степени внутренними разногласиями между «ястребами» и «голубями»? Прежде чем дать ответы на эти вопросы, стоит оценить степень соответствия риторики президента Б. Обамы и «языка» основных внешнеполитических документов его администрации идеям, озвученным им в период предвыборной кампании, а также произвести очередную проверку соотношения преемственности и новаторства в его подходе к проблеме «изгоев».

II

Уже в день своего вступления в должность президента Б. Обама дал понять, что идея «вовлечения “проблемных” стран в диалог» не была пустой, «пропагандистской» риторикой. В инаугурацион-

ной речи он обратился к режимам, «которые держатся у власти благодаря коррупции, мошенничеству и подавлению недовольства», с призывом «осознать, что они находятся “по другую сторону истории”», разжать кулак и *встретить протянутую им США руку*» [66]. Конкретные страны при этом не упоминались, но по построению фразы было понятно, что речь в первую очередь идет о тех государствах, которые не только нарушают права человека внутри страны, но и ведут себя агрессивно на международной арене. Президент в скором времени снял все вопросы, дословно повторив в интервью арабскому каналу «Аль-Арабийя» ту же метафору в адрес Ирана [72]. Данная фраза, которой в итоге суждено было стать символом политики Б. Обамы в отношении «проблемных» стран и повторяться вновь и вновь в публичных выступлениях самого президента и представителей его администрации, заслуживает максимально подробного комментария.

Во-первых, в призыве Б. Обамы остро ощущалась преемственность с идеями, положенными в основу концепции «государств-изгоев» ее автором — госсекретарем в администрации У. Клинтона Э. Лэйком. Назначив в начале 1990-х гг. «изгоев» на роль врага № 1, США реализовали полностью соответствовавшее логике Realpolitik стремление заполнить «вакуум угрозы», образовавшийся после окончания «холодной войны» и распада «империи зла» и грозивший в перспективе свертыванием глобального военного присутствия¹⁷. Однако идеологическое обоснование для переформатирования «большой стратегии» было найдено в теориях, представлявших собой альтернативу классическому реализму и неореализму. Американский политический истеблишмент взял на вооружение один из главных тезисов отцов-основателей британской социологической школы теории международных отношений о наличии внутри анархичной международной системы «ядра», международного общества [22], разделяющего общие принципы и нормы, и дополнил его риторикой Ф. Фукуямы, в рамках которой противостояние «системы» и «общества» обозначалось как конфликт «исторического» и «аисторического» миров [32].

¹⁷ Когда СССР был уже на грани распада, американские конгрессмены стали активно пропагандировать идею «мирных дивидендов» (peace dividend) — резкого сокращения военных расходов в связи с наступлением «эпохи мира». В ответ Пентагон приступил к разработке стратегии, которая позволила бы обосновать поддержание расходов на оборону на уровне «холодной войны» до появления новой глобальной угрозы. 15 ноября 1989 г. председатель объединенного комитета начальников штабов К. Пауэлл представил Дж. Бушу-ст. проект такой стратегии. В условиях ослабления «советской угрозы» внимание США предлагалось переключить на сдерживание региональных угроз. Военная мощь Америки должна была быть достаточной, чтобы участвовать одновременно в двух крупных региональных конфликтах и одержать в них победу. Подробнее об этом см.: [43].

Сейчас уже мало кто помнит, что изначально Э. Лэйк говорил не о «государствах-изгоях» (rogue states), а о «реакционных государствах», «государствах-ретроградах» (backlash states). Выступая осенью 1993 г. в Университете имени Дж. Хопкинса, он впервые употребил этот необычный термин в отношении государств, которые «находятся за пределами круга демократии и представляют собой угрозу странам, находящимся внутри него», проводят агрессивную внешнюю политику, нарушающую нормы международного права [46]. В опубликованной несколько месяцев спустя в «Foreign Affairs» статье «Борьба с реакционными странами» он пояснил выбор термина, отметив, что «“реакционные государства” стремятся изолировать себя от глобальной тенденции, к которой они, по всей видимости, не могут адаптироваться» [47, p. 45].

Концепция, предложенная Э. Лэйком, таким образом, была призвана решить взаимно комплементарные задачи заполнения «вакуума угрозы» и демаркации границ «цивилизованного» мира в целях укрепления его внутренней однородности. Выстраивая санитарный кордон вокруг «реакционных стран», не способных к интеграции в «ядро», руководство США неизменно изображало их как представителей низшей касты международной иерархии, которые сознательно отказываются соответствовать утвердившимся в мировом сообществе моральным и правовым нормам. Впоследствии США стали лишать «девиантов» возможности претендовать на равные с другими суверенными государствами права, черпая необходимые обоснования для их правовой дискриминации в трудах влиятельных либеральных мыслителей и теоретиков международного права, таких как Дж. Роулз [76], Т. Франк [31] и др., фактически реанимировавших идею «цивилизационного стандарта» колониальной эпохи [20].

Именно идея делинквентного характера поведения и лежала в основе тех критериев «реакционности» (впоследствии — «изгойства»), которые были сформулированы Э. Лэйком. При этом первым по списку среди них шло нахождение у власти авторитарных режимов — «клик, которые контролируют власть с помощью принуждения, нарушают основные права человека и распространяют радикальные идеи» [47, p. 46].

Многие видные исследователи впоследствии подчеркивали, что не авторитарный характер режима и нарушение прав человека внутри страны являются ключевыми признаками «государства-изгоя» [24; 38; 51], а его агрессивное, девиантное/делинквентное поведение на международной арене. Однако обращал на себя внимание тот факт, что далеко не все авторитарные режимы были зачислены в «реакционные», но все «реакционные государства» были автократиями.

Во-вторых, изначально заложенный в концепцию «государств-изгоев» внутривнутриполитический компонент проявлялся в политике администрации Дж. Буша-мл. значительно ярче, нежели в политике правительства У. Клинтона. Доктрина «смены режимов» была неразрывно связана с идеей демократизации и подразумевала устранение коренной причины агрессивного поведения «изгоев» на международной арене — самих авторитарных режимов. Хотя формальным поводом к вторжению в Ирак послужил отказ С. Хусейна сотрудничать с мировым сообществом в вопросе о разоружении, администрация Дж. Буша-мл. в преддверии войны и особенно после того, как поиски оружия массового уничтожения в Ираке закончились ничем, пыталась оправдать вторжение необходимостью освободить иракский народ от кровавого диктатора.

Другими словами, делая акцент на недемократическом характере враждебных режимов, Б. Обама оказывался в опасной близости от своего предшественника, и могло возникнуть ощущение, что идея «смены режимов» новому президенту вовсе не чужда. Однако все опасения должна была развеять вторая часть фразы, в которой и содержался инновационный компонент подхода Б. Обамы к проблеме «изгоев». Слова «разжать кулак» имели отношение исключительно к сфере внешней политики. Смысл, вложенный Б. Обамой в эту фразу, заключался в том, что США готовы «протянуть руку» тиранам, смирившись тем самым с фактом их существования, при условии, что их поведение на международной арене изменится.

Выступая с призывом, который легко мог быть представлен республиканцами как «умиротворение» диктаторов, и бросая прямой вызов озвученной Дж. Маккейном в рамках предвыборной кампании идее о создании Лиги демократий [54], Б. Обама, безусловно, рисковал. Однако риск подвергнуться остракизму внутри страны, по всей видимости, казался ему в тот момент менее значительным, чем те дивиденды, которые можно было получить, изъявив в первый день пребывания на посту президента свою готовность к диалогу с «изгоями».

Дальнейшее развитие идея «примирения» с фактом существования авторитарных режимов при условии изменения их поведения на международной арене получила в знаменитой каирской речи. В ней американский президент, обращаясь к мусульманам всего мира, сказал: «В последние годы идея демократизации стала предметом острой полемики, причем большая часть вопросов касалась войны в Ираке. Позвольте мне расставить все точки над “и”»: ни одна система правления не может и не должна быть навязана одним государством другому» [73]. Тем самым Б. Обама стремился заверить элиты мусульманских стран в отсутствии у его

администрации намерений осуществлять насильственное насаждение демократических режимов на Большом Ближнем Востоке, что должно было символизировать радикальный разрыв с наследием Дж. Буша-мл.

Долгое время официальные выступления Б. Обамы оставались, по большому счету, единственным источником, на основе которого можно было сформировать представление о концептуальной составляющей подхода его администрации к проблеме «государств-изгоев». На подготовку комплекса документов, обозначающих стратегические приоритеты США на ближайшую перспективу, команде Б. Обамы потребовалось непривычно много времени — почти полтора года. Хронологически первым документом, содержащим важную информацию по проблеме взаимоотношений США с «изгоями», стал «Обзор состояния и перспектив развития ядерных сил», опубликованный Министерством обороны США в апреле 2010 г., непосредственно перед подписанием Договора СНВ-3 в Праге [64].

Публикация «Обзора» стала рубежным событием в истории эволюции стратегии национальной безопасности США. Соединенные Штаты впервые брали на себя обязательство не применять ядерное оружие и воздерживаться от угрозы его применения против государств, которые им не обладают, при условии, что эти страны не нарушают ДНЯО и другие обязательства по нераспространению. При этом в «Обзоре» было специально оговорено, что такие государства, как Иран и Северная Корея, находятся вне этой категории, а значит, США сохраняют за собой право нанесения по ним ядерного удара.

Важно и другое. В отношении этих двух стран администрацией впервые был употреблен термин «outlier», использовавшийся в 2000-е гг. специалистами по контролю над вооружениями¹⁸ в отношении государств, которые никогда не подписывали ДНЯО — Израиля, Пакистана и Индии [56; 81]. Этот термин, который этимологически соответствует утвердившемуся в русскоязычной литературе определению «изгой» гораздо больше, чем «rogue state», в данном контексте должен быть переведен как «неподписант». В отличие от уничижительного термина «rogue state», который лежит вне международно-правовой плоскости, он лишен морально-нравственного, оценочного компонента и содержит привязку к несоблюдению важнейшего международного режима ядерного нераспространения. Изменение терминологии не меняло, однако, смысл самой концепции, основанной на идее стигматизации

¹⁸ В том числе и представителями официальных организаций, таких как, например, международная комиссия по оружию массового уничтожения, созданная по инициативе правительства Швеции по предложению ООН.

стран-делинквентов. Акцент на возможности применения ядерного оружия против Ирана и Северной Кореи был новым символом этой стигмы, подчеркивавшим неполноправное положение «изгоев» в международной системе.

Как бы то ни было, явное смягчение риторики было налицо, и воспринято оно было крайне неоднозначно. Так, крупнейший специалист по проблеме «государств-изгоев», директор программы по международной безопасности в Центре имени В. Вильсона Р. Литвак приветствовал отказ от термина «rogue states», поскольку считал, что он препятствует реализации внешнеполитических интересов США. Этот термин, по его мнению, с одной стороны, демонизировал «проблемные» страны и мешал их дипломатическому вовлечению, а с другой — был неким абстрактным условным обозначением, использование которого затрудняло разработку индивидуального подхода к каждому государству. Что касается нового термина, то он, с точки зрения Р. Литвака, вполне подходил на роль символа обновленного подхода администрации Б. Обамы, основанного на идее «вовлечения» «проблемных» стран [52].

Однако подобную точку зрения готовы были разделить далеко не все. Так, к примеру, А. Коэн, профессор Университета Тель-Авива и один из крупнейших специалистов по ядерной программе Израиля¹⁹, выражал сожаление по поводу произведенной администрацией замены обозначений: «Термины “rogue states” и “outliers” в концептуальном отношении очень отличаются друг от друга. Это вносит серьезную путаницу» [34]. В куда более раздраженном тоне говорил о риторическом новшестве Б. Обамы М. Армитай — бывший исполнительный директор Американско-израильского комитета по общественным делам: «Это не просто оговорка. Совершенно очевидно, что мы заигрываем с Северной Кореей и Ираном, как бы говоря им: “Мы, на самом деле, любим вас, хоть вы и плохие. Мы просто хотим быть вашими друзьями”». Образ мыслей этой администрации способен кого угодно сбить с толку» [34].

Точка зрения М. Армитая как видного представителя израильского лобби в США была вполне объяснимой. Хотя в «Обзоре состояния и перспектив развития ядерных сил» термин «outlier» употреблялся только в отношении Ирана и Северной Кореи, сделать его неполитизированным можно было, только распространив его на Израиль, Индию и Пакистан. Введение в текст официального документа термина, который позволял рассматривать Израиль в одной обойме с Северной Кореей и, что еще хуже — Ираном, воспринималось израильским лобби как откровенно враждебный шаг, что, опять же, было сопряжено с серьезными внутривнутриполитическими рисками.

¹⁹ Наиболее крупные работы А. Коэна: [21; 22].

В этой ситуации многое зависело от самого Б. Обамы — от того, насколько часто представители его администрации будут употреблять новый термин. Статистика упоминаний в первые несколько дней после публикации «Обзора» была для противников изменения терминологии неутешительной. Термин «outlier» употребил сам президент в интервью газете «The New York Times» [30] и трижды — помощник госсекретаря по связям с общественностью Ф. Кроули в трех различных брифингах для представителей прессы. Одно из его заявлений стало особенно показательным: «Мы особенно обеспокоены предотвращением попадания ядерных технологий и ноу-хау в руки “государств-неподписантов” [outlier states. — В.Б.] и “недобропорядочных элементов” [rogue elements. — В.Б.]]» [79]. Построение фразы, в которой старая и новая лексемы открыто противопоставлялись друг другу, говорило о том, что администрация прилагает целенаправленные усилия по внесению семантических «поправок» в дискурс. Возникал вопрос — найдут ли эти усилия отражение в главном внешнеполитическом документе — «Стратегии национальной безопасности США»?

Опубликованная в мае «СНБ-2010» [61] оказалась в высшей степени «персонализированным» документом — общественности был представлен своего рода расширенный вариант статьи-манифеста Б. Обамы 2007 г. Генеральной целью стратегии национальной безопасности США провозглашалось «обновление американского лидерства, которое должно позволить более эффективно реализовать американские интересы в XXI веке», а средством ее достижения — «всеобъемлющее вовлечение» (comprehensive engagement)²⁰. Последнее понималось как «вовлечение государств, институтов и народов по всему миру на основе общности интересов и взаимоуважения». Вовлечение государств, в свою очередь, имело четыре объекта, а именно: 1) партнеры и союзники Америки, 2) «центры влияния XXI века», и в их числе Китай, Индия и Россия; 3) новые партнеры; 4) враждебные государства [61, p. 11]²¹.

Последнюю категорию стран авторы «СНБ-2010» ставили перед выбором: либо начать соблюдать международные нормы и извлекать политические и экономические преимущества из большей интеграции в мировое сообщество, либо отвергнуть этот путь и взять на себя полную ответственность за последствия такого решения, в том числе и за большую изоляцию. С помощью «вовлечения» предполагалось создать дополнительные возможности преодолеть

²⁰ Всеобъемлющую роль «вовлечения» как смыслообразующего конструкта должно было подчеркнуть и количество его текстуальных упоминаний — 63. Для сравнения: противоположный по смыслу термин «сдерживание» упоминался в тексте лишь 6 раз.

²¹ Подробнее о стратегии «всеобъемлющего вовлечения» см.: [43, 69].

ния разногласий, усилить поддержку американских акций со стороны международного сообщества, понять намерения и природу «закрытых режимов» и четко продемонстрировать населению этих стран, что виновниками изоляции являются их собственные правительства.

Представление о средствах оказания давления на «закрытые режимы» давал специальный раздел «Стратегии национальной безопасности США» под названием «Применение силы», появление которого в тексте важнейшего доктринального документа само по себе было показательным. Авторы «СНБ-2010» чувствовали необходимость четко расставить акценты в вопросе, по которому позиции США и мирового сообщества столь существенно разошлись на протяжении последнего десятилетия. Начинаясь раздел с обещания делать ставку на использование дипломатии, соблюдение международных норм и сотрудничество с международными институтами в целях предотвращения конфликтов, обеспечения мира и снижения необходимости применения силы. В исключительных случаях, требующих силового ответа, администрация обещала «испробовать перед началом военной операции все возможные варианты [решения конфликта] и произвести взвешенную оценку рисков действия и бездействия» [61, р. 22]. Делая акцент на том, что применение силы должно укреплять легитимность американского лидерства, администрация Б. Обамы обещала стремиться к получению широкой международной поддержки и сотрудничеству с такими организациями, как НАТО и ООН.

Составители «СНБ-2010» сохранили в окончательном тексте традиционную для неоконсерваторов оговорку относительно того, что США сохраняют за собой право действовать в одностороннем порядке для защиты интересов нации. Однако они сопроводили ее дополнением о необходимости применять силу в соответствии с нормами и принципами «права на войну», что, по их мнению, должно было «укрепить позиции тех, кто действует в рамках закона, и в то же время изолировать тех, кто не делает этого» (курсив наш. — В.Б.) [61, р. 22].

Включение в текст специального раздела о применении силы и наполнение его «мультилатералистским» по характеру содержанием было направлено на решение вполне конкретной задачи — возрождения американского «лидерства примера». Администрация Б. Обамы стремилась снять с США все обвинения в «изгойстве» и позиционировать Америку как законопослушного участника глобальной системы, противопоставив ее государствам-делинквентам, что должно было, в конечном счете, увеличить эффективность политики их стигматизации.

Параллели с текстом статьи Б. Обамы 2007 г. можно было увидеть и в том, какие режимы и в какой степени подвергались стигматизации. Выбор был поставлен в первую очередь перед Ираном, который США должны были остановить у ядерного порога, и Северной Кореей, от которой необходимо было добиться отказа от ядерного оружия. В документе делался ярко выраженный акцент на противоправном, делинквентном поведении этих стран, однако идеально подходивший для этих целей термин «outlier» в «Стратегии» не использовался. По всей видимости, критика со стороны израильского лобби, обрушившаяся на администрацию в период между публикацией «Обзора» и «Стратегии», принесла свои плоды.

Из двух государств-делинквентов наибольшее внимание в «СНБ-2010» было уделено Ирану. Посвященный ему раздел назывался в высшей степени показательно: «Содействие превращению Ирана в ответственного участника глобальной системы» («Promote a Responsible Iran»). В нем говорилось, что Иран на протяжении десятилетий был источником угрозы безопасности стран региона и США и отказывался выполнять международные обязательства. «Стратегия» обозначала четыре компонента «девиантного поведения» ИРИ: попытки завладеть ядерным оружием, поддержка терроризма, препятствование процессу ближневосточного мирного урегулирования, ущемление прав человека. Составители «Стратегии» особо подчеркивали, что многолетний отказ от диалога с Тегераном не смог изменить ситуацию, напротив — угроза со стороны Ирана лишь усилилась, из чего делался логичный вывод о необходимости «вовлечения». «Вовлечение, — говорилось в документе, — это политика, которую мы проводим, не строя никаких иллюзий <...> США стремятся к будущему, в котором Иран возьмет на себя выполнение своих международных обязательств, займет подобающее ему место в сообществе наций и использует сполна те политические и экономические преимущества, которые заслуживает его народ. Однако, если иранское правительство продолжит отказываться соблюдать свои международные обязательства, его ожидает еще большая изоляция» [61, p. 26].

Таким образом, можно констатировать, что к середине 2010 г. концептуальная составляющая политики администрации Б. Обамы в отношении «проблемных» стран, намеченная пунктиром в его предвыборных выступлениях и публикациях, приобрела вполне законченные очертания. Было более четко определено ее место в общей стратегии «обновления американского лидерства», усилен акцент на дипломатических, мультилатералистских средствах принуждения «проблемных» стран к отказу от девиантного поведения, расставлены страновые приоритеты.

В то же время сложно не обратить внимание на отсутствие терминологической ясности. Наверняка можно сказать лишь то, что администрация отказалась от термина «государство-изгой», но так и не смогла найти ему подходящую замену. Обращали на себя внимание также отказ от идеи прямого диалога, без предварительных условий, ставшей визитной карточкой подхода кандидата Б. Обамы к проблеме «изгоев», и определенное ужесточение риторики в отношении «проблемных» стран, особенно Ирана. Это было не чем иным, как следствием освобождения Б. Обамы от некоторых иллюзий после полутора лет пребывания на посту президента, на протяжении которых режим в Тегеране и все остальные «проблемные» режимы оставались глухи к призывам нового главы Белого дома «разжать кулак» и отказаться от девиантного/делинквентного (в американском понимании) поведения. О ходе эксперимента администрации Б. Обамы по «перезагрузке» взаимоотношений США с «изгоями» и о причинах того, почему этот эксперимент, по крайней мере пока, не принес сколько-нибудь ощутимых результатов, пойдет речь во второй части статьи.

(Окончание статьи читайте в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартенев В.И.* Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // *Международные процессы.* 2009. Т. 7. № 1 (19). С. 84—93.
2. *Бартенев В.И.* «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969—2008). М.: УРСС, 2009.
3. *Бартенев В.И.* Государства-изгой»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях // *Социология и психология международных отношений и геополитики: Материалы круглого стола* / Отв. ред. А.Г. Дугин. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2010. С. 3—14.
4. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // *Современные международные отношения и мировая политика* / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2004. С. 66—89.
5. *Богатуров А.Д.* Лидерство и децентрализация в международной системе // *Международные процессы.* 2006. Т. 4. № 3 (12). С. 5—15.
6. *Богатуров А.Д.* Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // *Современная мировая политика. Прикладной анализ* / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 40—63.
7. Во внешнеполитическом ведомстве России не разделяют понятий «государства-изгой» и «ось зла». 20.05.2002 г. [Электронный ресурс] // *РИА-Новости* [Офиц. сайт]. URL: <http://www.rian.ru/politics/20020520/149201.html> (дата обращения: 12.09.2010).
8. *Дюркгейм Э.* Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994.

9. *Лебедева М.М.* Акторы современной мировой политики: локальные действия — глобальные последствия // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ: В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля. Т. 1. Акторы в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 43—54.*

10. *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // *Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.*

11. *Панова В.В.* Современные западные исследования международного конфликта // *Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). С. 53—65.*

12. Пресс-конференция министра обороны РФ С. Иванова, 12.02.2002 г. [Электронный ресурс] // Независимая газета [Официальный сайт]. URL: <http://news.ng.ru/2002/02/12/1013510694.html> (дата обращения: 18.08.2010).

13. *Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003.*

14. *Фененко А.В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

15. *Цыганков П.А.* Мировая политика и ее содержание // *Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1 (7). С. 53—63.*

16. *Шаклеина Т.А.* Критическое направление исследований миропорядка в США // *Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 66—75.*

17. *Becker H.* *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance.* N.Y.: Free Press, 1963.

18. *Biden J.* Remarks at the National Press Club, Washington, D.C., 1 August 2007 // *Biden's Fantasy World [Electronic resource] // The Wall Street Journal [Official website]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB122325448093406451.html>* (дата обращения: 15.08.2010).

19. *Blum W.* *Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower.* Monroe, Me: Common Courage Press, 2000.

20. *Bowden B.* Globalization and the Shifting «Standard of Civilization» in International Society. Refereed Paper Presented to the Jubilee Conference of the Australasian Political Studies Association, Australian National University, October 2002 [Electronic resource] // Australian National University [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://arts.anu.edu.au/sss/apsa/Papers/bowden.pdf> (дата обращения 03.04.2010).

21. *Brzezinski Z., Scowcroft B.* *America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy.* N.Y.: Basic Books, 2008.

22. *Bull H.* *The Anarchical Society: Study of Order in World Politics.* N.Y.: Columbia University Press, 1977.

23. *Burrows M.J., Harris J.* Revisiting the Future: Geopolitical Effects of the Financial Crisis // *Washington Quarterly. April 2009. Vol. 32. № 2. P. 27—38.*

24. *Caprioli M., Trumbore P.* Rhetoric Versus Reality // *Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49. № 5. P. 770—791.*

25. *Chomsky N.* *Rogue States: The Role of Force in World Affairs.* Cambridge, MA: South End Press, 2001.

26. *Clark I.* *Legitimacy in International Society.* Oxford: Oxford University Press, 2005.

27. CNN/YouTube Democratic Primary Debate, 24 July 2007 [Electronic resource] // CNN [Official website]. URL: <http://www.cnn.com/2007/POLITICS/07/23/debate.transcript> (дата обращения: 17.08.2010).
28. *Cohen A.* Israel and the Bomb. N.Y.: Columbia University Press, 1998.
29. *Cohen A.* Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb. N.Y.: Columbia University Press, 2010.
30. Excerpts from Obama Interview to New York Times, 5 April 2010 [Electronic resource] // The New York Times [Official website]. URL: <http://www.nytimes.com/2010/04/06/world/06armstext.html> (дата обращения: 21.08.2010).
31. *Franck T.* Fairness in International Law and Institutions. Oxford: Clarendon Press, 1995.
32. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y.: Avon, 1992.
33. *George A., Simons W., Hall D.* The Limits of Coercive Diplomacy. Boulder: Westview Press, 1994.
34. *Gerstein J.* War of Words Over Obama's Soft Tone [Electronic resource] // Politico [Official website]. 19 April 2010. URL: <http://www.politico.com/news/stories/0410/35946.html> (дата обращения: 04.04.2010).
35. *Haass R.* The Opportunity: America's Moment to Alter History's Course. N.Y.: Public Affairs, 2005.
36. *Haass R., O'Sullivan M.L.* Honey and Vinegar: Incentives, Sanctions, and Foreign Policy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2000.
37. *Hachigian N., Sutphen M.* The Next American Century: How the United States Can Thrive as Other Powers Rise. N.Y.: Simon and Shuster, 2007.
38. *Hoyt P.* The Rogue State Image in American Foreign Policy // Global Society. 2000. Vol. 14. № 2. P. 297—310.
39. *Ikenberry G., Slaughter A.-M.* Forging a World of Liberty Under Law: Final Report of the Princeton Project on National Security. Princeton, N.J., 2007.
40. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y.: Random House, 1987.
41. *Kessler G.* Impact From the Shadows. Cheney Wields Power With Few Fingerprints [Electronic resource] // The Washington Post [Official website]. 5 October 2004. P. A01. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A7036-2004Oct4.html> (дата обращения: 18.08.2010).
42. *Khanna P.* The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. N.Y.: Random House, 2008.
43. *Klare M.* Rogue States and Nuclear Outlaws: America's Search for a New Foreign Policy. N.Y.: Hill and Wang, 1995.
44. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 1. P. 23—33.
45. *Kupchan Ch.* The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century. N.Y.: A. Knopf, 2002.
46. *Lake A.* From Containment to Enlargement. Remarks at Johns Hopkins University School of Advanced International Studies. Washington, D.C., 21 September 1993.
47. *Lake A.* Confronting Backlash States // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 2. P. 45—55.

48. *Layne C.* The Unipolar Illusion Revisited: the Coming End of the United States' Unipolar Moment // *International Security*. 2006. Vol. 31. № 2. P. 7—41.
49. *Lee L.* US Hegemony and International Legitimacy: Norms, Power and Followership in the Wars on Iraq. L.: Routledge, 2010.
50. *Lennon A.T., Eiss C.* The Bush Revolution in Rogue Strategy // *Reshaping Rogue States: Preemption, Regime Change, and U.S. Policy Toward Iran, Iraq, and North Korea*. Washington Quarterly Reader. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
51. *Litwak R.* Rogue States and U.S. Foreign Policy: Containment After the Cold War. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Distributed by the Johns Hopkins University Press, 2000.
52. *Litwak R.* From «Rogues» to «Outliers» [Electronic resource] // *The Globalist* [Official website]. 4 May 2010. URL: <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=8438> (дата обращения: 23.08.2010).
53. *Lord K., Lynch M.* America's Extended Hand: Assessing the Obama Administration's Global Engagement Strategy [Electronic resource] // *Center for a New American Security* [Official website]. June 2010. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_America's%20Extended%20Hand_Lord%20Lynch.pdf (дата обращения: 15.08.2010).
54. McCain Proposes the League of Democracies. 26 March 2008 [Electronic resource] // *MNSBC* [Official website]. URL: http://firstread.msnbc.msn.com/_news/2008/03/26/4433673-mccain-proposes-league-of-democracies (дата обращения: 17.08.2010).
55. McCaik Sings: «Bomb Bomb Bomb, Bomb Bomb Iran», At Campaign Stop [Electronic resource] // *Huffington Post* [Official website]. 19 April 2007. URL: http://www.huffingtonpost.com/2007/04/19/mccain-sings-bomb-bomb-bo_n_46259.html (дата обращения: 17.08.2010).
56. *Miller M., Scheinman L.* Israel, India, and Pakistan: Engaging the Non-NPT States in the Nonproliferation Regime [Electronic resource] // *Arms Control Association* [Web portal]. December 2003. URL: http://www.armscontrol.org/act/2003_12/MillerandScheinman (дата обращения: 23.08.2010).
57. *Mitchell A.* McCain Calls for Overhaul of National Security Policy [Electronic resource] // *The New York Times* [Official website]. 8 December 1999. URL: <http://www.nytimes.com/1999/12/08/us/mccain-calls-for-overhaul-of-national-security-policy.html?pagewanted=all> (дата обращения: 17.08.2010).
58. *Mousavizadeh N.* End of the Rogue [Electronic resource] // *Newsweek* [Official website]. 8 February 2010. URL: <http://www.newsweek.com/id/232796> (дата обращения: 23.08.2010).
59. National Intelligence Council (U.S.). *Global Trends 2025. A Transformed World*. Washington, D.C.: National Intelligence Council, 2008.
60. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002 [Electronic resource] // *GlobalSecurity.org* [Web portal]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss-020920.pdf> (дата обращения: 18.08.2010).
61. The National Security Strategy. May 2010 [Electronic resource] // *The White House* [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader.

- URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 18.08.2010).
62. *Nincic M.* The Logic of Positive Engagement: Dealing with Renegade Regimes // *International Studies Perspectives*. 2006. Vol. 7. № 4. P. 321—341.
63. *Nincic M.* Getting What You Want: Positive Inducements in International Relations // *International Security*. 2010. Vol. 35. № 1. P. 138—183.
64. Nuclear Posture Review Report. Washington, D.C.: U.S. Dept. of Defense, April 2010 [Electronic resource] // GPO Access — Official Online Service of the U.S. Government Printing Office. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://permanent.access.gpo.gov/lps121566/2010%2520Nuclear%2520Posture%2520Review%2520Report.pdf> (дата обращения: 22.08.2010).
65. *Nye J.S. Jr.* Transformational Leadership and U.S. Grand Strategy // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. № 4. P. 139—148.
66. *Obama B.* Inaugural Address, 21 January 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/president_barack_obamas_inaugural_address/ (дата обращения: 15.08.2010).
67. *Obama B.* Remarks Against Going to War with Iraq. Chicago, IL, 2 October 2002 [Electronic resource] // *BarackObama.com* [Unofficial website, paid for by Organizing for America, A Project of Democratic National Committee]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.barackobama.com/pdf/warspeech.pdf> (дата обращения: 23.08.2010).
68. *Obama B.* Renewing American Leadership // *Foreign Affairs*. 2007. Vol. 86. №. 4. P. 2—16.
69. *Obama B.* Renewing U.S. Leadership in the Americas. Miami, 23 May 2008 [Electronic Resource] // *BarackObama.com* [Unofficial website, paid for by Organizing for America, A Project of Democratic National Committee]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.barackobama.com/pdf/Fact_Sheet_Latin_America_FINAL_060608_IH.pdf (дата обращения: 15.08.2010).
70. *Obama B.* Transcript of Remarks at AIPAC Policy Forum, Chicago, IL, 2 March 2007 [Electronic resource] // *American-Israeli Public Affairs Committee* [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.aipac.org/Publications/SpeechesByPolicymakers/Barack_Obama_-_AIPAC_Policy_Forum_2007.pdf (дата обращения: 23.08.2010).
71. *Obama B.* Transcript of Speech at AIPAC Policy Conference 2008, 4 June 2008 [Electronic resource] // *American-Israeli Public Affairs Committee* [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.aipac.org/Publications/SpeechesByPolicymakers/PC_08_Obama.pdf (дата обращения: 18.08.2010).
72. Obama Reaches Out to Muslim World. 27 January 2009 [Electronic resource] // *BBC Online* [Official website]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/7852650.stm (дата обращения: 17.08.2010).
73. Office of the Press Secretary, The White House, «Remarks by the President on a New Beginning», Cairo, Egypt, 4 June 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (дата обращения: 19.08.2010).

74. Powell Endorses Obama for President, 20 October 2008 [Electronic resource] // MSNBC [Official website]. URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/27265369/> (дата обращения: 15.08.2010).

75. Raasch C. Obama Aspires to a Transformational Presidency [Electronic resource] // USA Today [Web portal]. 16 April 2009. URL: http://www.usatoday.com/news/opinion/columnist/raasch/2009-04-16-raasch-column-04162009_N.htm (дата обращения: 15.08.2010).

76. Rawls J. The Law of Peoples. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

77. Resnick E. The Andrew Wellington Cordier Essay — Defining Engagement // Journal of International Affairs. 2001. Vol. 54. № 2. P. 551—566.

78. Simpson G. Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereign in the International Legal Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

79. State Department Briefing by Phillip J. Crowley, 7 April 2010 [Electronic resource] // GlobalSecurity.org [Web portal]. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2010/04/mil-100407-stateb01.htm> (дата обращения: 19.08.2010).

80. Transcript of First Presidential Debate, 14 October 2008 [Electronic resource] // CNN Politics.com [Web portal]. URL: <http://edition.cnn.com/2008/POLITICS/09/26/debate.mississippi.transcript/> (дата обращения: 24.08.2010).

81. Walsh J. Learning from Past Success: The NPT and the Future of Non-Proliferation Paper Prepared for the Weapons of Mass Destruction Commission, Stockholm, Sweden. № 41, October 2005 [Electronic resource] // Weapons of Mass Destruction Commission (WMDC) [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat. URL: <http://www.wmdcommission.org/files/no41.pdf> (дата обращения: 29.08.2010).

82. Wright T. Strategic Engagement's Track Record // Washington Quarterly. 2010. Vol. 33. № 3. P. 35—60.

83. Zakaria F. The Post-American World. L.: Allen Lane, 2008.